Дорогие друзья,

Меня зовут Нодзоми Имаи, я жена журналиста газеты «Хоккайдо Симбун» Юки Имаи, который в настоящее время задержан российскими властями. Вместе с его родителями я каждый день переживаю за судьбу мужа.

За это время мы получили от многих людей слова заботы и поддержки, что придаёт нам сил. От всего сердца благодарю вас всех.

13 октября. В этот день мой муж, завершивший двухлетний срок работы в качестве корреспондента, должен был вылететь из Южно-Сахалинска обратно в Японию. 14-го числа он должен был прилететь в аэропорт Ханэда с пересадкой в Пекине.

Муж с нетерпением ждал этого дня. Он безмерно

любит нашу дочь, которой исполнился год и девять месяцев и которая родилась во время его командировки, и он был очень воодушевлен тем, что наконец-то 14 числа, как он сказал, «Я сам заберу её из детского сада».

Однако с утра 13-го октября меня не покидало тревожное предчувствие. Мой муж — человек, который всегда регулярно связывался со мной: «Хватит ли сувениров?», «Сборы закончил», «Сейчас еду в аэропорт», «Приехал в аэропорт», «Сажусь в самолёт». И тем не менее связь с ним полностью прервалась.

Я постоянно звонила, но дозвониться не удавалось. Я молилась: «Надеюсь, он уже сел в самолёт», — когда пришло известие о его задержании.

Я посмотрела видео, на котором показали, как забирают моего мужа, и у меня перехватило дыхание,

я почувствовала, будто моё сердце разрывают на куски. Увидев, как дорогому мне человеку связывают руки за спиной, я не могла сохранять хладнокровие. В чемодане, запечатлённом на видео, были видны сувениры для нашей семьи. Я не сомкнула глаз всю ночь, дожидаясь утра. Я не могла поверить, что это реальность, у меня даже не текли слезы.

◇

Россия для нашей семьи всегда была особенной страной.

Муж, похоже, всегда чувствовал, что одним из мест, где находятся его корни, был Сахалин (по-японски ранее Карафуто), где родился и вырос его дед. Возможно, именно это повлияло на то, что он проявлял к российско-японским отношениям и к России больше интереса, чем обычный человек, и усердно изучал эту тему.

«Я просто должен изучать русский язык», — умолял он родителей, из-за чего пропустил год после окончания школы. В университете, где он проучился пять с половиной лет, он, по его словам, запирался в библиотеке и без перерыва смотрел советские фильмы.

О Санкт-Петербурге, куда он поехал на обучение, он говорил как о «месте, похожем на сон», и многократно перечитывал «Медного всадника» Пушкина. Мой муж мечтал о том, чтобы когда-нибудь всей семьёй отправиться в путешествие по этому особенному городу.

После того как он устроился в газету «Хоккайдо Симбун», он переезжал с места на место: Немуро, Кусиро, Токио, но продолжал посещать курсы русского языка в каждом из этих городов. Думаю, изучение русского языка приносило ему настоящую радость.

Однажды он даже принял у себя на проживание жителей Южных Курильских островов, которые посетили Нэмуро в рамках безвизового обмена. Муж бережно хранил фотографии того времени. На снимке, сделанном в одной из комнат старого дома в Нэмуро, все сидели за обеденным столом и улыбались.

Именно Россия свела меня с мужем. Мы подружились ещё в студенческие годы благодаря общей любви к русской культуре.

Каждый раз, когда мы встречались, мы обсуждали недавно посмотренные советские и российские фильмы, а также романы русских писателей, которые недавно прочитали. Во время поездок в машине звучали песни Виктора Цоя и мощное исполнение Денисом Мацуевым произведений Шостаковича. В барах, попивая пиво или виски, мы обсуждали стихи

Маяковского и картины Кандинского.

Наша годовщина свадьбы, 25 сентября — день рождения Шостаковича. Поэтому, когда мы празднуем нашу годовщину, мы одновременно отмечаем и день рождения Дмитрия Дмитриевича.

В сентябре прошлого года я поехала в Южно-Сахалинск с дочерью, которой тогда было полгода. Муж был очень рад, что первая зарубежная поездка нашей дочери состоялась именно в России. Он заранее подготовился и купил много детских товаров в «Бубль-Гум» и «Детском мире». Когда мы втроем — я, дочь в коляске и муж — гуляли по Южно-Сахалинску, муж сказал: «Я хотел бы растянуть этот момент на всю вечность». Мы с дочкой побывали в самых разных местах: на море, в зоопарке, в музеях. Это стало незабываемыми семейными воспоминаниями.

Когда срок его командировки подошел к концу, он рассказал мне, что на прощальной вечеринке в своем выступлении он сказал следующее: «Я хочу, чтобы наша дочь тоже занималась работой, которая станет мостом между Россией и Японией».

◇

Прошло уже больше месяца с тех пор, как моего мужа задержали. С тех пор нашу семью не покидает чувство глубочайшей печали.

Детский горшок с фигуркой Анпанмана, который собрал мой муж, когда в сентябре на время возвращался в Японию, стал любимой игрушкой дочери, и она научилась ходить в туалет самостоятельно. Её словарный запас резко расширился. Глядя в конец тёмного коридора, она стала говорить: «Папы нет, да?». Иногда непослушно она кричит «Я сама! Я сама!»,

и пытается самостоятельно справиться с разными делами. С одной стороны мне радостно, а с другой — грустно и тоскливо от того, что я не могу радоваться её успехам вместе с мужем, я думаю: «Если бы папа был рядом, он наверняка хлопал бы в ладоши от радости». Это бесценное время, когда растёт твой ребёнок, уже никогда не вернётся. Возможно, папа не сможет быть рядом ни на Рождество, ни на Новый год, ни на второй день рождения дочери.

Пожилые родители моего мужа тоже глубоко переживают: «Успеем ли мы увидеть нашего единственного сына до нашей смерти?». Моя свекровь, которой врачи указали на риск инсульта, со слезами на глазах говорила: «Я хочу сесть у ворот тюрьмы и кричать, чтобы меня взяли вместо него».

Журналист Юки Имаи — наш дорогой муж, сын и отец.

Пожалуйста, вернике нашей маленькой дочери её дорогого папу.

Мы просим вас о поддержке в деле его скорейшего освобождения.

26 ноября 2026 г.

Нодзоми Имаи